

JEL classification: D63, N33, P46
УДК 94(571.1)
DOI 10.17150/2308-2488.2023.24(3).365-386

А.К. Кириллов

*Институт истории Сибирского отделения
Российской академии наук,
Новосибирский государственный университет,
г. Новосибирск, Российская Федерация*

А.И. Свирипов

*Новосибирский государственный университет,
г. Новосибирск, Российская Федерация*

Диапазон альтернативных оценок внутридеревенского неравенства доходов по данным западносибирских налоговых раскладок начала XX в.

Аннотация. Статья представляет результаты первой в отечественной и зарубежной историографии попытки измерить неравенство среди крестьян накануне Великой Российской революции с помощью косвенных данных о доходе из раскладочных приговоров. Под этим названием были известны в начале XX в. постановления сельских сходов, устанавливающие основания для распределения между крестьянами общей суммы налогов данного селения и закрепляющие размер платежа каждого отдельно взятого крестьянина с учетом его платежеспособности. Из совокупности в полтысячи раскладочных приговоров для микроанализа отобраны приговоры трех соседних селений из Томского уезда за три года от 1902 до 1908. Особенность раскладочных приговоров — то, что они лишь примерно отражают уровень доходов крестьянина. В связи с этим авторы предлагают различные способы уточнить данные раскладочных приговоров (пересчет посемейных данных в персональные и исключение из расчета суммы, разложенной без учета имущественных критериев). Полученные в результате цифры коэффициента Джини, измеряющего неравенство, сопоставляются с цифрами по

Кириллов А.К., Свирипов А.И. Диапазон оценок неравенства доходов

другим странам, известными из историографии. Авторы приходят к выводу, что полученные данные подкрепляют средние оценки дореволюционного неравенства в противовес самым низким и самым высоким из существующих оценок, и это не исключает существенного напряжения, вносимого в жизнь крестьян неравенством доходов внутри каждого отдельно взятого селения.

Ключевые слова. Дореволюционная Россия, налоговая статистика, индекс Джини, измерение неравенства, сибирское крестьянство.

Финансирование. Исследование проведено при поддержке гранта РНФ, проект № 21-18-00509 «Эволюция неравенства доходов и имущества населения России: от Великих реформ до “Великого перелома” в региональном измерении (статистический и геоинформационный анализ)» (рук. Л.И. Бородин).

Благодарности. Авторы выражают признательность Анастасии Геннадьевне Караваевой и команде сотрудников Государственного архива Томской области, без поддержки которых эта работа не могла бы состояться.

Информация о статье. Дата поступления 8 сентября 2023 г.; дата принятия к печати 29 сентября 2023 г.; дата онлайн-размещения 6 октября 2023 г.

A.K. Kirillov

*Institute of History of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk State University,
Novosibirsk, the Russian Federation*

A.I. Svirepov

*Novosibirsk State University,
Novosibirsk, the Russian Federation*

Range of Alternative Estimates of Intra-Village Income Inequality According to Western Siberian Data Tax Layouts of the Early 20th Century

Abstract. The article presents the results of the first attempt in domestic and foreign historiography to mea-

sure inequality among peasants on the eve of the Great Russian Revolution using indirect data on income from distribution sentences. At the beginning of the 20th century they were known as resolutions of village assemblies and they established the basis for the distribution of the total amount of taxes of a given village among peasants and fixed amount of payment of each individual peasant, taking into account his solvency. From a total of five thousand distribution sentences, sentences from three neighboring villages from the Tomsk district for three years from 1902 to 1908 were selected for microanalysis. The peculiarity of the distribution sentences is that they only approximately reflect the level of income of the peasant. In this regard, the authors proposed various ways to clarify the data of distributed sentences (recalculation of family data into personal data and exclusion from the calculation of the amount broken down without taking into account property criteria). The resulting figures for the Gini coefficient, which measures inequality, are compared with figures for other countries known from historiography. The authors conclude that the data support the average estimates of pre-revolutionary inequality, as opposed to the lowest and highest existing estimates, and this does not exclude the significant tension introduced into the lives of peasants by income inequality within each individual village.

Keywords. Pre-revolutionary Russia, tax statistics, Gini index, measurement of inequality, Siberian peasantry.

Funding. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project No. 21-18-00509 "Evolution of inequality of income and property of the Russian population: from the Great Reforms to the "Great Turning Point" in the regional dimension (statistical and geoinformation analysis)" (director L.I. Borodkin).

Acknowledgments. The authors express their gratitude to Anastasia Gennadevna Karavaeva and the team of employees of the State Archives of the Tomsk Region, without whose support this work could not have taken place.

Article info. Received September 8, 2023; accepted September 29, 2023; available online October 6, 2023.

«Вселенский опыт говорит, что погибают царства не оттого, что тяжек быт или страшны мытарства. А погибают оттого (и тем больней, чем дольше), что люди царства своего не уважают больше». Строфа Булата Окуджавы задает в должной мере сложную постановку вопроса о причинах революций. Но попытка ответить на вопрос о том, почему именно люди «не уважают больше», побуждает к упрощению — к выделению отдельных составляющих «гремучего студня революции». Среди них — и несправедливость, воплощенная в неравенстве доходов.

Тема дореволюционного российского неравенства начала обсуждаться в постсоветское время в связи с вопросом о причинах Великой российской революции. Тема неравенства в том виде, как она понимается экономическими историками, требует расчета коэффициентов, для которых нужны источники о доходах людей. Особый интерес в этом отношении представляет статистика подоходного налога. А. Атkinson, Т. Пикетти и Э. Саес в своей знаменитой статье 2011 г. обращали внимание на явно выраженное в ХХ в. возрождение интереса к изучению доходов богатой части общества именно на податных материалах [1, р. 3]. И хотя сами они скромно оценивали свою работу как лишь начало долгого пути, П. Линдерт и Дж. Вильямсон в своей монографии пять лет спустя подчеркивали, что в этой статье, именно с опорой на данные подоходного налога, три автора доказали рост неравенства в США с 1970-х годов, который не был виден по официальной статистике доходов [2, р. 2].

В России подоходного налога не было до 1916 г. Даже для горожан начала ХХ в. данные о доходах фрагментарны; для крестьян получение картины доходов выглядит вообще почти безнадежным делом. Кажется, что историки обречены вновь и вновь обращаться к сельскохозяйственной статистике конца ХІХ — начала ХХ века, пытаясь вытянуть новые смыслы из данных первой всероссийской переписи населения и специализированных обследований.

Но с точки зрения вычисления дохода крестьян сельскохозяйственные переписи и подворные описания, при всей тщательности дореволюционных статистиков, страдают невозможностью привести все данные к одному знаменателю. Кто богаче — обладатель десяти коров и одной десятины пашни или обладатель двух коров, засевающий десять десятин? Какой суммой в рублях выражается доход каждого из этих двоих и из двух сотен их односельчан? Вопрос о переводе хозяйственных признаков в рубли дохода тем более сложен, что в разных местах разные объекты имели разную ценность. И это различие не может быть выравнено установлением особых коэффициентов по губерниям или хотя бы по уездам, потому что картина экономической жизни крестьян была гораздо более пестрой. Авторитетный в столыпинские годы специалист по крестьянскому вопросу А.А. Кауфман двумя десятилетиями ранее начинал с подробного обследования крестьян Томской губернии — и обнаруживал совершенно непохожие экономические типы селений не только в рамках одного уезда, но и в рамках одной волости! [3].

Итак: крестьянские доходы начала XX в. — тайна, и у нас нет волшебного средства для ее раскрытия. Но есть один тип документов, который можно использовать для получения хотя бы косвенных сведений о доходах крестьян. Это — раскладочные приговоры: решения сельских сходов, в которых записано, каким образом крестьяне данного селения распределяют между собой сумму налогов, причитающуюся со всего сельского общества в бюджеты разных уровней.

Удивительно, но даже в эпоху подушной подати знаменитая «душа мужского пола» выступала лишь условной единицей для расчета суммы налога, которую должно уплатить все сельское общество целиком. Эта сумма доводилась чиновниками до сведения общества, а далее крестьяне сами на сходе решали, с кого сколько взять. В 1899 г., готовясь отменить круговую поруку, Министер-

ство финансов ввело правило о необходимости в раскладочном приговоре заявить основания раскладки (какие единицы обложения используются, сколько рублей и копеек взимается за каждую единицу) и приложить перечень плательщиков (указав, сколько и каких именно единиц обложения есть у каждого). Формально говоря, крестьянский сход располагал правом выбрать любое основание раскладки, хотя бы и старые добрые души мужского пола. Но на деле чиновники настойчиво предлагали крестьянам (и это было «предложение, от которого трудно отказаться») не делать главным основанием раскладки ни души, ни годных работников, а использовать имущественные признаки. Таким образом, перечень важных в данном селении хозяйственных признаков и их относительную ценность нам сообщают сами жители этого селения, которые знают это как никто другой.

Ясно, что хозяйственные признаки все-таки неточно описывают богатство каждого хозяина, дают огрубленную картину. Картина будет, вероятно, не только огрубленной, но и искаженной. Поскольку решение принимал сельский сход, на котором богатые обычно более влиятельны, можно думать, что разрыв между богатыми и бедными занижался. Вопреки мечтам столичных реформаторов о прогрессивном подоходном налоге, бедные платили, по всей видимости, большую часть своего дохода, чем богатые. Но и при таких оговорках наш источник необычайно ценен: он дает нам поименно данные в рублях, отражающие большую или меньшую зажиточность жителей данного села.

Использование раскладочных приговоров дает возможность изучать неравенство в стране на материалах отдельно взятых селений. Такой подход опробован в статье Т. Деннисон и С. Нафцигера [4], но их начин пока не получил продолжения. Обычно оценка неравенства в стране подразумевает изучение населения страны (даже если оно рассеяно по полусотне губерний) как единого целого. Но коль скоро речь идет о

неравенстве как причине революции, важна не только величина неравенства, но и его возбуждающая сила, которая сильно зависит от наглядности неравенства. Не так обидно, что где-то за тридевять земель кто-то, как говорят, в золотой карете ездит (а я — в телеге), как досадно, что у соседа крыша железом крыта (а у меня — соломой). Не случайно Б.Н. Миронов свою мысль о более низком в России (чем на западе) уровне неравенства подкрепляет не только оценкой коэффициентов, но и таким доводом: богатство в России находилось в руках лишь 1 % жителей, «а среди остальных 99 % оно распределялось без кричащих контрастов» [5, с. 608].

Раскладочный приговор — документ, составлявшийся ежегодно в каждом селении. Ежегодно в России составлялись десятки тысяч раскладок. Однако подавляющее большинство раскладочных приговоров погибло. Подборки этих документов сохранились лишь в виде исключения: за отдельные годы, по некоторым волостям или селениям. Из сохранившихся приговоров многие лишены раскладочных перечней, или содержат неполную раскладку (только мирских сборов или только казенных), или сопровождаются перечнями менее чем на сто человек, что делает их непригодными для статистического анализа. Обработав первые по алфавитному перечню волостей 500 приговоров из коллекции Государственного архива Томской области, мы обнаружили, что лишь один из десяти может быть использован для изучения неравенства доходов. Чтобы иметь возможность «познавать в сравнении», мы отобрали из них те селения, по каждому из которых была доступная для расчетов коллекция приговоров за три года. Это селения Баткат, Каргалинское и Десятовское, расположенные в Богородской волости Томского уезда — в 75–80 верстах от губернского города (рис.). Статистики (С.П. Каффка) описывают этот район как земледельческий и достаточно зажиточный [6, с. 16, 102]. А.И. Шингарев не смог бы найти здесь иллюстраций для своей «Вымирающей деревни».

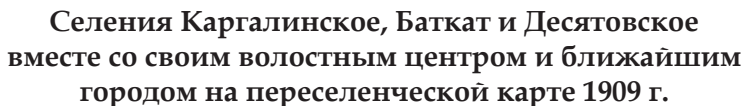

Таблица 1

Коэффициенты неравенства доходов
налогоплательщиков в селениях Богородской волости
Томского уезда

Селение	Год	Децильный коэффициент	Индекс Джини
Баткат	1902	7,71	0,404
	1907	6,80	0,390
	1908	6,88	0,387
Каргалинское	1902	6,07	0,352
	1907	4,99	0,339
	1908	6,06	0,371
Десятовское	1902	7,12	0,389
	1907	4,39	0,304
	1908	4,80	0,327

Рассчитано по: Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 125. Л. 38-43, 85-94 об.; Д. 183. Л. 135-139, 147-150 об., 151-154 об, 194-210 об., 227-231; Д. 225. Л. 536-538 об., 539-545. 554-564 об.

Первое, что обращает на себя внимание при анализе табл. 1 — это значительное колебание индексов,

достигающее прямо поразительного размера в Десятовском. Децильный коэффициент с 1902 по 1907 г. сокращается на две с половиной единицы, индекс Джини — едва ли не на десятую. Нет ли здесь погрешности измерения? Попытка ответить на этот вопрос обращает наше внимание на одну важную особенность раскладочных перечней, которая открывает возможность дополнить уже сделанный расчет альтернативными цифрами.

Дело в том, что падение индексов в Десятовском с 1902 по 1907 г. сопровождается резкой переменой показателей по части оснований раскладки налогов. А ведь основания раскладки — это формула, задающая связь между размером налогов и размером доходов. Если бы формула оставалась неизменной от года к году, то изменение коэффициента неравенства неизбежно означало бы изменение уровня неравенства. Однако формула менялась, и не только в Десятовском. Отголоски борьбы на сходе вокруг оснований раскладки, известные нам по различным приговорам, показывают, что выбор оснований зависел не только от объективных экономических условий, но и от субъективного «политического» фактора, и в делах сельской политики фортуна могла поворачивать свое лицо то к одной, то к другой из борющихся сторон.

От этого менялись раскладки, но не менялось неравенство. Чтобы правильно оценить именно неравенство, надо понять, какое искажение в наши измерения вносят изменения оснований раскладки. Это даст основания для выдвижения альтернативных оценок неравенства на тех же первичных данных.

Уже упоминалось, что годные работники и скот в качестве оснований раскладки воплощали два противоположных подхода: подушный и поимущественный. В наших приговорах дело не сводится к этим двум признакам. Часть подлежащей сбору суммы раскладывалась пропорционально площади пашни либо посе-

ва. Этот показатель явно нельзя приравнять к раскладке по годным работникам: при одинаковом количестве рабочих рук площадь запашки колеблется сильно. Но не отнесешь его и к несомненно имущественным: доход с одной и той же площади пашни наверняка будет отличаться и (хотя бы немного) от хозяина к хозяину, и (более существенно) от года к году. Вот почему этот признак учтен в табл. 3 отдельной колонкой.

Наконец, самое желанное для изучения доходов основание раскладки — то, что мы обозначили как «заработок от работы / торговли». Эта колонка заполнена лишь в виде исключения. В баткатском приговоре 1908 г. есть отдельное упоминание про 45 рублей, которые «будут уплочены с особых наложенных занятий, как то торговли и промышленности». Дополнительное обложение торговцев (в данном случае их оказалось трое на все селение) — способ редкий, но понятный. Более интересная, и диковинная, формула использовалась в 1902 г. в едином раскладочном приговоре Батката и Каргалинского: «на каждого отдельного плательщика от 17 и до 60 лет возраста по 5 коп. с каждого доходного рубля». Далее в перечне соответствующая колонка озаглавлена «на годовой заработок» — как будто специально для не существующего еще присутствия по подоходному налогу. Однако на деле мы видим, что у подавляющего большинства плательщиков в этой графе значится цифра в 3 р., и лишь у некоторых указаны большие суммы (а 12 человек, обладающих пашней или хотя бы скотом, записаны в конце с нулевым платежом по разряду личных доходов — по-видимому, это старики, вышедшие из числа годных работников). То есть, речь идет не о действительном доходе, а о вмененном; по существу, это то же самое, что душевой платеж с дополнительными наклаками на богатых; и близлежащее Десятковское в том же году назначает подушный сбор именно в таком размере: 3 р. с годного работника. Поэтому при

расчете долей оснований раскладки в Баткате и Каргалинском за 1902 г. эта колонка была разделена: по 3 р. на каждого годного работника были засчитаны в качестве подушного сбора, а остальное — как раскладка на заработок.

Таблица 2

**Доля каждого из оснований раскладки налогов
в общей сумме раскладки, в %**

Селение	Год	Индекс Джини	Год- ные работ- ники / души	Деся- тины паш- ни / посева	Лошади и круп- ный рога- тый скот	Зара- боток от ра- боты / торгов- ли
Баткат	1902	0,404	26,92	29,30	37,34	6,44
	1907	0,390	39,29	29,80	30,91	–
	1908	0,387	38,74	28,81	30,83	1,63
Карга- линское	1902	0,352	25,13	37,49	36,24	1,14
	1907	0,339	39,55	28,30	32,15	–
	1908	0,371	38,72	28,23	33,05	–
Десятов- ское	1902	0,389	6,54	45,37	48,09	–
	1907	0,304	33,36	30,32	36,33	–
	1908	0,327	26,22	34,61	39,17	–

Примечание: прочерк означает, что признак в данной раскладке не использовался.

Рассчитано по: см. источники к табл. 1.

Главная зависимость, отчетливо видная из табл. 2 — возрастание доли раскладки на годных работников (и сокращение поимущественной и подоходной раскладки) идет параллельно снижению индекса неравенства, и наоборот: увеличение веса поимущественной раскладки сочетается с повышением индекса.

Не есть ли это случайное совпадение? Для ответа на этот вопрос особенно полезна раскладка 1902 г. в Десятовском. Раскладочный перечень к этому при-

говору являет собой математическую загадку. В приговоре четко сказано, что должны были разложить 1 671,75 р., и точно записано, сколько из этой суммы по каким основаниям разложено. Но если суммировать платежи, записанные в перечне за каждым крестьянином, окажется, что разложили только 1 313,26 р. Сопоставляя платеж каждого крестьянина с количеством скота, пашни и годных работников у него, мы убеждаемся, что у каждого из плательщиков Десятовского сумма была меньше, чем следовало по формуле, заложенной в приговоре! Действовала какая-то иная формула, но какая именно — нигде не объясняется, причем «скидки» различаются по абсолютному размеру, и взаимозависимости между размером скидки и размером платежа не прослеживается. Логiku изменения все же удалось обнаружить. В формуле раскладочного приговора произошла лишь одна перемена: на душу начислялось не по 3 р., а по 55 к.

Причина этой «скидки» видна из самого приговора 1902 г.: десятовцы раздумали платить «за отбытие гоньбы». Действительно, междудворная гоньба — не налог, а повинность. Какие-то селения отбывали ее натурой, к началу XX в. все чаще крестьяне откупались от этой повинности. Обычно эти деньги раскладывались отдельным приговором, но в Десятовском сельском обществе в 1902 г. оказались включены в общий приговор. По-видимому, решение об отказе от оплаты гоньбы вызвало ожесточенные споры и было принято в последний момент. Во всяком случае, в приговоре сумма за гоньбу сначала начислена на десятовцев и разложена, вместе с местными сборами, по годным работникам, а затем списана с них, «так как таковая гоньба обществом села Десятовского в нынешнем 1902 году отбывается натурой»¹. Формула же расчета сохранилась без изменений, возможно, с учетом того,

¹ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 125. Л. 38 об.

что деревни Астальцева и Больше-Евтюшина, входившие в Десятовское сельское общество, от сбора вместо гоньбы отказываться не стали.

За счет всех этих хитросплетений деревенской политики мы имеем теперь возможность сравнить две раскладки: ту, которая состоялась на самом деле, и ту, которая тоже вполне могла состояться (табл. 3).

Таблица 3
Сопоставление действительной и предполагавшейся раскладки в с. Десятовском в 1902 г. и рассчитанных на их основе коэффициентов неравенства

	Основания раскладки			Коэффициенты	
	на души	на пашню	на скот	децильный	Джини
Изначально предполагавшаяся	27,64	35,13	37,24	5,33	0,345
Действительная раскладка	6,54	45,37	48,09	7,12	0,389

Рассчитано по: см. источники к табл. 1.

Как видим, неожиданное решение десятовцев отбывать гоньбу натурой существенно повлияло на коэффициенты неравенства: из невысоких они стали умеренно высокими. Единственная причина этого изменения индексов — уменьшение доли начислений на годных работников.

В Баткате и Каргалинском гоньба тоже дает дополнительный материал для изучения того, как основания раскладки влияют на индексы неравенства. Дело в том, что в приговоре 1902 г. (едином по Баткату и Каргалинскому) все налоги вместе с междудворной гоньбой разложены за один прием, так что выделить междудворную гоньбу из общей суммы невозможно. Вообще-то, в восприятии крестьян и чиновников деньги за гоньбу — не налог, обычно они раскладываются отдельным приговором; для сопоставимости наших расчетов с тем же Десятовским (в котором, как мы

видели, на гоньбу вообще не скидывались) следовало бы учесть налоги без гоньбы.

И мы могли бы это сделать, если бы разные сборы раскладывались крестьянами на одинаковых основаниях: пусть и смешанных (подушно + поимущественно), но — одинаковых для каждого из налогов. Но дело в том, что разные налоги в наших селениях (как и в большинстве других селений) увязывались с разными основаниями: казенные раскладывались только по имущественным основаниям, мирские и гоньба — только по душам (именно так они разложены в Баткате и в Каргалинском в 1907 г. — тремя разными приговорами). Складывая казенные и мирские вместе, мы и получали полный набор оснований, цифры по которым приведены выше. Но если речь идет об исключении одного сбора из перечня налогов, то эту сумму надо вычитать не из всех оснований раскладки равномерно, а только из того, которое соответствует этому сбору. Между тем, в приговоре 1902 г. связка между разными видами сборов и разными основаниями раскладки не оговорена, а экстраполировать систему раскладки 1907 г. на 1902, при столь сильном их различии, кажется чересчур своевольным обращением с источниками. Поэтому мы решили для Каргалинского и Батката учитывать за все три года налоги вместе с гоньбой. Правда, при этом пришлось пойти на другое вмешательство в источник: приговоры о раскладке гоньбы за 1908 г. по Баткату и Каргалинскому отсутствуют в архиве, и мы экстраполировали на этот год данные предыдущего года. Это чревато как минимум незначительными погрешностями, как максимум — несоответствием действительности в том случае, если жители этих селений тоже перешли к отработке междудворной гоньбы. Но мы по крайней мере можем быть уверены, что если гоньба в 1908 г. оплачивалась деньгами, то раскладывались они на подушевой основе.

Таблица 4

**Зависимость коэффициентов неравенства доходов
в селениях Баткате и Каргалинском в 1907–1908 гг.
от учета сборов на междудворную гоньбу**

Селение, год	Децильный коэффициент		Индекс Джини	
	с гоньбой	без гоньбы	с гоньбой	без гоньбы
Баткат, 1907	6,80	9,41	0,390	0,415
Баткат, 1908	6,88	9,80	0,387	0,411
Каргалинское, 1907	4,99	6,83	0,339	0,362
Каргалинское, 1908	6,06	7,50	0,371	0,400

Рассчитано по: см. источники к табл. 1.

По существу, эти цифры подкрепляют логику, виденную нами на альтернативных расчетах по Десятовскому: чем ниже доля раскладки по душам годных работников, тем выше индекс неравенства. Данные табл. 3 и 4 объясняют и тем самым несомненно доказывают зависимость, виденную нами по табл. 2 — зависимость между основаниями раскладки и высотой коэффициентов неравенства.

Но коль скоро появляются альтернативные оценки одного явления, встает задача выбрать наиболее достоверную из оценок. На первый взгляд, очистка данных от подушевой составляющей выгодна для определения доходов: ведь смысл подсчета неравенства доходов как раз тем и определяется, что два одинаковых по количеству рабочих рук человека могут иметь совсем неодинаковый доход. Но в таком случае имеет смысл вообще проигнорировать подушечные сборы и посчитать коэффициенты только с учетом имущественных оснований раскладки (в нашем случае это скот и пашня). Для Десятовского такой пересчет возможен за все три года, для остальных селений — за два (табл. 5).

Децильный коэффициент при расчете этим способом по данным 1907–1908 гг. показал свою непригод-

Таблица 5

**Зависимость коэффициента неравенства
от учета подушной составляющей податных раскладок
в селениях Богородской волости**

Селение	Год	Индекс Джини	
		по раскладочному перечню	без учета подушной составляющей
Баткат	1907	0,390	0,504
	1908	0,387	0,489
Каргалинское	1907	0,339	0,446
	1908	0,371	0,494
Десятовское	1902	0,389	0,406
	1907	0,304	0,401
	1908	0,327	0,388

Рассчитано по: см. источники к табл. 1.

ность: то совершал двукратные скачки от одного года к другому, то доходил до значения 46,00, а в одном случае вообще оказался неприменим из-за нулевого значения нижнего дециля. Вот почему в таблице показан только индекс Джини.

Как и следовало ожидать, цифры вновь повысились. Это почти предельные значения, которые можно получить на наших данных (почти — потому что они рассчитаны на основе посемейного учета дохода, а не единоличного). Кажется вероятным, что в наших цифрах занижен доход торговцев: вряд ли торговцы стали бы заниматься своим делом, если бы оно давало меньший доход, чем земледелие. С другой стороны, в пользу завышенности индексов говорит наличие при таком способе подсчета людей с нулевым доходом (причем из числа тех, кто платит налог с годных работников), хотя доход дееспособного крестьянина, не умершего от голода, не может быть нулевым. Поскольку два последних соображения действуют в противоположных направлениях, можно думать, что полученные оценки близки к действительности — конечно, при условии дееспособности самого подхода:

использовать данные раскладок, очищенные от подушевой составляющей.

Коэффициенты неравенства, рассчитанные без учета подушевой накладки, полезны нам как одна из тех оценок, сопоставление которых может приблизить нас к пониманию правильной картины в условиях отсутствия точных данных о доходах. Но является ли эта оценка более близкой к истине, чем оценка по смешанным данным — это вопрос без несомненного ответа. Б.Н. Миронов называет использование советскими историками данных о землепользовании и количестве скота средством завышения неравенства, поскольку в пореформенное время «значительная часть дохода стала получаться крестьянами за счет промысловой деятельности, найма на временную работу и других видов несельскохозяйственной активности» [5, с. 598]. Между прочим, мысль о том, что годный работник приносил доход, даже не имея ни пашни, ни скота, подтверждается и в наших документах повышенными накладками на отходников по баткатскому и каргалинскому приговору 1902 г.

Поэтому смешанные оценки, действительно использовавшиеся крестьянами, могут быть более достоверны, чем очищенные от накладки на годных работников. В конце концов, соотношение между разными параметрами измерения зажиточности — это и есть изюминка раскладочных приговоров, отличающая их от статистических описаний.

Притом раскладочный приговор — не бухгалтерская ведомость, которая учитывает доход с точностью до копейки. Наши измерения не «бьют в десятку», а «накрывают площадь», на которой находится искомое значение. Границы этой площади и задают нам результаты альтернативных расчетов.

Итак, полученные в итоге наших альтернативных расчетов оценки индекса Джини (который лучше всего подходит для изучения неравенства в рамках отдель-

ных селений) дают разброс значений в диапазоне 0,3 — 0,4 при использовании цифр из раскладочных перечней, и в диапазоне 0,4 — 0,5 при попытке очистить их от воздействия подушевой раскладки; переход от семейного учета доходов к персональному может дать повышение индекса Джини еще примерно на пять сотых. Это означает, что неравенство в наших селениях оказалось не так низко, как предполагает оценка Б.Н. Миронова (0,133–0,206) [5, с. 597–598], и выше, чем в странах, служащих для начала XXI в. эталоном общественной справедливости (Швеция — 0,273), но ниже, чем самые высокие показатели, известные экономической истории (Голландия в 1732 г. — 0,610, Чили в 1861 г. — 0,636, Южная Африка в 2000 г. — 0,573, Бразилия в 2001 г. — 0,612) [7, р. 263–264; 8, р. 790].

Такие цифры, вроде бы, подкрепляют оценки до-революционного российского неравенства как низкого. Однако стоит обратить внимание на размышления П. Линдберта, Б. Милановича и Дж. Вильямсона [7]. В своей статье они предлагают новый измеритель — уровень извлечения неравенства. Этот уровень определяется не только высотой действительного неравенства (измеряемого по Джини), но и предельным возможным (для данного общества) значением индекса Джини, которое в свою очередь увязывается авторами с уровнем ВВП на душу населения и прожиточным минимумом (чем выше доход, тем больше излишки, которые в принципе можно извлечь). По мысли авторов, в современных обществах (точнее: обществах с высокой производительностью труда) предельно возможный Джини очень высок (зашкаливает даже за 95 %), поэтому уровень извлечения неравенства лишь незначительно выше индекса Джини. Между тем, в доиндустриальных обществах предельно возможный Джини в их оценке колеблется от 0,342 (Кения, 1914 г.) до 0,852 (Голландия, 1732 г.), а большинство значений этого ряда укладывается в промежуток от 0,5 до 0,7.

При таких цифрах уровень извлечения дохода превосходит индекс Джини в полтора-два раза, и даже безобидное значение индекса Джини на уровне 0,3 или 0,4 может оказаться свидетельством высоко неуравнительной системы распределения доходов.

Оценки Т. Пикетти, Ф. Новокмета и Г. Зюкмана показывают, что с 1870-х по 1920-е гг. уровень национального дохода на душу населения в России колебался на уровне 35–40 % западноевропейского [9, р. 48]. Поэтому есть основания полагать, что российская деревня относилась к обществам с невысокой производительностью труда, и значит, полученные нами вполне умеренные значения индекса Джини отражают высокую степень неравенства.

Расчет уровня извлечения неравенства возможен лишь на уровне весьма приблизительных оценок, и неслучайно сам же Линдерт в своих же (только с другим соавтором) более поздних статьях о России начала XX в. ни словом не упоминает этот показатель, ограничиваясь обычными оценками индекса Джини. Тем не менее, сама идея уровня извлечения неравенства заставляет проявлять сдержанность в отношении оптимистических трактовок полученных нами цифр. Даже сибирская деревня, не страдавшая от острого дефицита земли и в целом преуспевавшая, отнюдь не была царством равенства, и немало походила на обитель контрастов.

Список использованной литературы

1. Atkinson A.B. Top Incomes in the Long Run of History / A.B. Atkinson, Th. Piketty, E. Saez // Journal of Economic Literature. — 2011. — Vol. 49, no 1. — P. 3–71.
2. Lindert P.H. Unequal gains: American growth and inequality since 1700 / P.H. Lindert, J.G. Williamson. — Princeton : Princeton University Press, 2016. — 398 p.
3. Кауфман А.А. Экономический быт государственных крестьян восточной части Томского округа и северо-западной части Мариинского округа Томской губернии / А.А. Кауфман. — Санкт-Петербург, 1892. — Т. 1. — 519 с. — (Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. XIV).

4. Dennison T. Living Standards in Nineteenth-Century Russia / T. Dennison, St. Nafziger // *The Journal of Interdisciplinary History*. — 2013. — Vol. 43, no. 3. — P. 397–441.

5. Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII–начало XX века / Б.Н. Миронов. — 2-е изд, испр. и доп. — Москва : Весь Мир, 2012. — 848 с.

6. Каффка С.П. Экономический быт государственных крестьян и оседлых инородцев юго-западной части Томского округа Томской губернии / С.П. Каффка. — Санкт-Петербург, 1892. — 252 + LXVI с. — (Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. XV).

7. Milanovic B. Pre-industrial inequality / B. Milanovic, P.H. Lindert, J.G. Williamson // *The Economic Journal*. — 2011. — Vol. 121, no. 551. — P. 255–272.

8. Lindert P.H. Russian Inequality on the Eve of Revolution / P.H. Lindert, St. Nafziger // *The Journal of Economic History*. — 2014. — Vol. 74, no. 3. — P. 767–798.

9. Novokmet F. From Soviets to oligarchs: inequality and property in Russia, 1905–2016 / F. Novokmet, T. Piketty, G. Zucman // NBER: National Bureau of Economic Research. — 2017. — July. — 80 p. — URL: <https://www.nber.org/papers/w23712>.

References

1. Atkinson A.B., Piketty Th., Saez E. Top Incomes in the Long Run of History. *Journal of Economic Literature*, 2011, vol. 49, no 1, pp. 3–71.

2. Lindert P.H., Williamson J.G. *Unequal Gains: American Growth and Inequality Since 1700*. Princeton University Press, 2016. 398 p.

3. Kaufman A.A. *Economic Life of the State Peasants of East Part of the Tomsk District and Northwest Part of the Mariinsky District of the Tomsk Province*. Saint Petersburg, 1892. Vol. I. 519 p. (Materials for Studying of Economic Life of the State Peasants and Foreigners of Western Siberia. Iss. XIV).

4. Dennison T., Nafziger St. Living Standards in Nineteenth-Century Russia. *The Journal of Interdisciplinary History*, 2013, vol. 43, no. 3, pp. 397–441.

5. Mironov B.N. *Welfare of the Population and Revolutions in Imperial Russia: 18th — Early 20th Centuries*. 2nd ed. Moscow, Ves mir Publ., 2012. 848 p.

6. Kaffka S.P. *Economic Life of the State Peasants and Settled Foreigners of the Southwestern Part of the Tomsk District of the Tomsk Province*. Saint Petersburg, 1892. 252 + LXVI p. (Materials for Studying of Economic Life of the State Peasants and Foreigners of Western Siberia. Iss. XV).

7. Milanovic B. Lindert P.H., Williamson J.G. Pre-industrial Inequality. *The Economic Journal*, 2011, vol. 121, no. 551, pp. 255–272.

8. Lindert P.H., Nafziger St. Russian Inequality on the Eve of Revolution. *The Journal of Economic History*, 2014, vol. 74, no. 3, pp. 767–798.

9. Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905–2016. *NBER: National Bureau of Economic Research*, 2017, July. 80 p. Available at: <https://www.nber.org/papers/w23712>.

Информация об авторах

Кириллов Алексей Константинович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук; доцент, кафедра отечественной истории, Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Российская Федерация; e-mail: alkir.nsk@gmail.com. 0000-0002-8286-3795; SPIN-код: 3589-7190; AuthorID РИНЦ: 245716.

Свирепов Александр Игоревич — студент, Гуманитарный институт, Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Российская Федерация; e-mail: a.svirepov@g.nsu.ru. 0009-0006-7273-2878.

Authors

Alexey K. Kirillov — Ph.D. in History, Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Russian History Department, Novosibirsk State University, Novosibirsk, the Russian Federation; e-mail: alkir.nsk@gmail.com. 0000-0002-8286-3795; SPIN-Code: 3589-7190; AuthorID RSCI: 245716.

Alexandre I. Svirepov — Student, Humanities Institute, Novosibirsk State University, Novosibirsk, the Russian Federation; e-mail: a.svirepov@g.nsu.ru. 0009-0006-7273-2878.

Для цитирования

Кириллов А.К. Диапазон альтернативных оценок внутридеревенского неравенства доходов по данным западносибирских налоговых раскладок начала XX в. / А.К. Кириллов, А.И. Свирепов. — DOI 10.17150/2308-2488.2023.24(3).365-386 // Историко-экономические исследования. — 2023. — Т. 24, № 3. — С. 365–386.

For Citation

Kirillov A.K., Svirepov A.I. Range of Alternative Estimates of Intra-Village Income Inequality According to Western Siberian Data Tax Layouts of the Early 20th Century. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya* = *Journal of Economic History & History of Economics*, 2023, vol. 24, no. 3, pp. 365–386. (In Russian). DOI: 10.17150/2308-2488.2023.24(3).365-386.